

С тех пор как Юй Сюань взошел на престол, он редко жаловал своим присутствием утренние совещания: на малые не приходил вовсе, на большие заглядывал лишь изредка.

Если же он и являлся, то обычно спустя добрую половину отведенного времени, да и приходил не с добром: либо затевал смуту, либо требовал кого-то разжаловать или обезглавить. А уж если вопреки привычке являлся к пяти часам утра, то жди беды — как в прошлый раз, когда он объявил о намерении взять в наложники мужчину.

С тех пор при виде императора на утренних собраниях сановники всякий раз дрожали от страха. Вот и сегодня, увидев, что государь снова явился ровно к пяти часам, они перепугались не на шутку. Многие в ужасе гадали: не прознал ли император, что они догадались о его роли в постели, и теперь пришел, чтобы устранить свидетелей? Или, быть может, решил перебить всех, кто выступал против его указа о наложнике?

Однако, несмотря на их трепетное ожидание, восседавший на троне монарх не предпринимал никаких действий. Канцлер Сюй продолжал просить императора позволить его сыну покинуть дворец. Что же касается Чжуаньюаня, то, неведомо почему, у всех возникло странное чувство, что даже если тот останется в гареме, внакладе не останется.

Лу Гуйюань не дал согласия, но и о наложниках больше не заикался, заявив лишь, что хочет оставить обоих при себе в качестве личных слуг. Издревле повелось, что императоры приближали к себе лучших выпускников экзаменов, и это считалось великой честью. Правда, те императоры не страдали нетрадиционной ориентацией и не помышляли делать из Чжуаньюаня и Танхуа своих наложников.

Канцлер Сюй не решился настаивать на освобождении сына и предложил назначить Чжуаньюаня и Танхуа на должности чжуншу шэжэней — по сути, личных секретарей императора. Так это выглядело бы более благопристойно и не породило бы грязных слухов, порочащих их репутацию.

Лу Гуйюань согласился, не раздумывая. Система вновь пришла в ярость от его своеволия.

Далее обошлось без происшествий: все дела Лу Гуйюань привычно спихнул на канцлера Сюя и Великого наставника Яна, а сам, как и полагалось, предавался безделью. Едва совещание завершилось, император поспешил удалиться, так что сегодня он на удивление был покладист и не выкинул никаких фортелей.

Такое странное поведение сбilo сановников с толку. Зачем он вообще приходил? Неужели только ради того, чтобы отсидеть утреннее собрание? Чиновники принялись расспрашивать друг друга, но никто не мог дать вразумительного ответа. Пришлось им, вернувшись домой, отправлять людей во дворец, чтобы выведать, что там стряслось за последние дни.

Слух о том, что Ли Хуаймин с утра пораньше ворвался с целой свитой во дворец Цзывэй, не встретил там никакого отпора, да еще и вытащил императора из постели на совещание, уже давно разлетелся по дворцу. Вскоре сановники узнали об этом и в недоумении переглянулись.

И Канцлер, и Великий наставник вспомнили свои недавние мысли о том, что императору не помешала бы мудрая и добродетельная супруга, способная наставить его на путь истинный. А вспомнив о редкой красоте и талантах Ли Хуаймина, а также о той сцене, где император явно занимал подчиненную позицию в объятиях Ли, сановники изменились в лице. Ох, если у Его Величества и впрямь такая страсть, и если Чжуанъюань действительно способен держать его в узде, то... пожалуй, это можно было бы принять.

Лу Гуйюань, не подозревая о метаниях в душах своих сановников, с трудом дождался конца собрания, клая носом, и мечтал лишь о том, чтобы вернуться в опочивальню и доспать. Каково же было его удивление, когда во дворце Цзывэй его встретил Ли Хуаймин с самой услужливой улыбкой.

— Вы утомились, Ваше Величество. Прошу, пройдемте к завтраку, — произнес он так, словно был здесь полноправным хозяином.

Система тут же начала капать на мозги: Он наглеет на глазах! Действуй, хозяин, не будь тряпкой! Отчитай его как следует и выгони вон, чтобы впредь не смел тебя ни во что ставить!

Лу Гуйюань промолчал. Ли Хуаймин мягко улыбнулся, и эта улыбка была ослепительна.

Лу Гуйюань послушно сел за стол, и они принялись обмениваться любезностями, подкладывая друг другу еду, и завтрак прошел на удивление приятно.

Система: ...Этот хозяин безнадежен.

Закончив трапезу, Лу Гуйюань потянулся, собираясь отправить Ли Хуаймина восвояси, чтобы самому завалиться спать. Но не успел он закончить движение, как Ли Хуаймин перехватил его руку.

Сердце Лу Гуйюаня забилось в бешеном ритме: Что... что это значит? Неужели он хочет...

Ли Хуаймин нежно улыбнулся:

— Ваше Величество, после завтрака самое время заняться государственными делами в кабинете.

Лу Гуйюань: ...

Когда он оказался перед столом, заваленным донесениями, с кистью в руке, обмакнутой в киноварь, его охватило замешательство: Кто я? Где я? Что я делаю?

Система пришла в ярость: Ты забыл, что твоя задача — играть роль развратного тирана? Какой тиран станет корпеть над бумагами? Не ломай образ!

Лу Гуйюань бросил взгляд на Ли Хуаймина, который старательно растирал тушь. Прямая спина, изящные манеры, несравненная красота — на него было приятно смотреть. Почувствовав на себе взгляд, Ли повернул голову, опустил ресницы и улыбнулся, а в его глазах светилась такая нежность, что пион на его лбу казался еще более пленительным.

Лу Гуйюань сглотнул и ответил Системе: Разве это ломает образ? Юй Сюань всегда был распутником и влюбленным дураком. Почему бы ему не потрудиться над бумагами, чтобы порадовать красавца?

Система: ...

Так и наблюдала Система, как Лу Гуйюань под влиянием красоты прилежно корпел над донесениями весь день. Стоило ему захотеть отлынить, как он видел перед собой улыбку красавца и вновь обретал силы. Система кипела от злости, проклиная своего непутевого хозяина-распутника.

Тем временем Небесный Путь с торжеством обратился к Ли Хуаймину: Первый день плана по превращению в мудрого правителя прошел успешно. Не упускай возможности, больше телесного контакта — мне нужно поглотить побольше энергии Системы. Поднажми, и я смогу подслушивать их разговоры вблизи.

Ли Хуаймин был заинтригован. Если бы они могли слышать диалоги Лу Гуйюаня и Системы, то узнали бы массу секретов и перестали бы гадать. Однако касания рук — это слишком мелко. Нужно что-то более волнующее, чтобы обеспечить максимальный контакт и держать Лу Гуйюаня в постоянном возбуждении — так Небесный Путь сможет вытянуть больше энергии. Что до сдержанности — они ведь не чужие друг другу, чего стесняться?

И у него созрел план.

Проработав весь день, Лу Гуйюань наконец отложил кисть и потянулся, с изумлением глядя на пустеющий стол. Он не мог поверить, что просидел здесь целый день. Взглянув на исправленные донесения, он вдруг заметил: когда это он успел научиться так красиво писать? Да и работал он подозрительно умело, словно делал это всю жизнь.

Система издала резкий звук, и вопросы тут же испарились из головы Лу Гуйюаня. Он посмотрел на Ли Хуаймина, который покорно наливал ему чай, и в нем вновь разыграло озорство.

Приподняв пальцем его подбородок, он двусмысленно произнес:

— Красавец, ты доволен сегодняшним выступлением императора?

Ли Хуаймин не смутился, а лишь соблазнительно улыбнулся:

— Ваше Величество так бодры и полны сил, что выступление, конечно, было великолепным. Но вот интересно, так ли вы бодры в постели? Может, сегодня вечером мы побеседуем при свечах, и вы расскажете мне подробнее?

Лу Гуйюань приподнял бровь. Беседа при свечах? Неужели это означает то, о чем он подумал?

Увидев в глазах Ли Хуаймина вызов — мол, не смеешь, струсил? — он не захотел признавать поражение:

— Это зависит от того, хватит ли у тебя смелости прийти.

— Хорошо, — Ли Хуаймин коснулся своими пальцами его крепкой груди. — Решено. Сегодня вечером я приду к вам для беседы при свечах. Ждите меня, Ваше Величество.

С этими словами он грациозно удалился, оставив ошеломленного Лу Гуйюаня стоять на месте.

Спустя долгое время тот пришел в себя:

— Черт! Система, ты слышала? Он... он правда собирается прийти! Он ведь это имел в виду, да? Именно это?!

Система отозвалась: Его рвение подозрительно. За этим явно скрывается заговор, не попадись на удочку!

Лу Гуйюань упрямылся:

— А почему нельзя предположить, что я ему просто приглянулся?

Система применила тяжелую артиллерию, злорадно напомнив:

— Если ты ему и приглянулся, то не сам по себе. Не забывай, ты всего лишь замена.

Лу Гуйюаня словно окатили ледяной водой, он мгновенно сник. Система торжествовала.

Однако ненадолго. Лу Гуйюань быстро воспрял духом и с жаром заявил:

— Чжуаньюань сказал лишь, что хочет побеседовать при свечах. В истории полно примеров, когда императоры и сановники беседовали при свечах, и это становилось примером идеального союза правителя и подданного. У нас с ним будет самая чистая беседа при свечах, и к тому, что я замена, это не имеет никакого отношения. Семерка, не будь такой пошлой, не ищи грязи там, где ее нет.

Система подавилась словами. Ладно, они у нас святые, а пошлая только она.

Лу Гуйюань продолжал:

— Кстати, Система, ты ведь от солидного производителя?

— Что? — Система не поняла, к чему это он.

— У систем от нормальных производителей должны быть ограничители, ну, там, цензура. Чтобы нельзя было увидеть или услышать то, что не положено.

Система: ...Пусть этот хозяин с мозгами, полными грязи, поскорее исчезнет!

Вечером Лу Гуйюань тщательно вымылся, надушился и лег в постель, с волнением ожидая гостя. Видя, как он дожидается императора, словно наложница, Система пришла в бешенство, но понимала, что переубедить его невозможно. Она решила сменить тактику:

— Вообще-то, тебе следовало бы самому пойти к нему, а пока он спит, тихонько забрать нефритовый кулон.

Она уже не надеялась, что Лу Гуйюань наберется смелости потребовать отчета за кражу, ей нужно было хотя бы вернуть Приказ Нефритовой Бабочки.

Однако Лу Гуйюань проявил в отношении Ли Хуаймина удивительную мягкость:

— Это всего лишь кулон. Если он хочет — пусть играет.

Система вздохнула:

— Скажу тебе прямо: этот кулон — важнейший сюжетный артефакт. Только когда он окажется у князя Чэня, тот осмелится на восстание, и ты сможешь завершить сюжет и выполнить задание.

Лу Гуйюань:

— О, у меня еще три года в запасе. Успеется, пусть Мин-эр поиграет.

Система была в ярости:

— А если он его потеряет или разобьет?

Лу Гуйюань лишь отмахнулся:

— Это пустяки. Я запомнил, как он выглядит, и сделаю точную копию. Не волнуйся, я мастер резьбы, никто и не заметит разницы.

Система не верила ни единому слову. Разве можно заменить Приказ, способный управлять Тенями Бабочки, простой побрякушкой? Такого нефрита во всей Великой Юн не сыскать. Но сделать ничего не могла.

Лу Гуйюань же больше не слушал Систему. Его мысли были заняты знакомыми шагами, доносившимися из-за двери, а сердце колотилось в груди, готовое выпрыгнуть наружу.

<http://bllate.org/book/21607/2228560>